

Г. 3. Лазарев

ИЗ ИСТОРИИ ЯПОНСКОГО ЖИЛИЩА

Имеющиеся данные в настоящее время не позволяют полностью проследить развитие типов и форм архитектуры японских жилых сооружений от истоков и до сложения характерного для Японии типа жилища, являющегося вершиной японской национальной архитектуры. Тем не менее представляется возможным выделить несколько основных этапов в этом развитии.

Первый из них с известной степенью условности охватывает I тысячелетие до н. э. и первые века нашей эры. Известно, что в XX—X вв. до н. э. на японских островах было распространено несколько типов примитивных жилищ, в частности жилища в виде горизонтальных пещер (*ёкоана*), жилища, сложенные из камней с крышей из веток и травы, и жилища в виде шалашей с элементарным каркасом и покрытием также из веток и травы¹. Пещерные жилища не получили в Японии большого распространения. Это отчасти произошло потому, что почвенные условия и влажный климат делали этот тип жилищ не очень подходящим для Японии; кроме того, обилие лесов с хорошей древесиной обеспечивало достаточно материала для сооружения других типов жилищ.

Как свидетельствуют данные археологических раскопок, во II—I тысячелетии до н. э. наиболее распространенным типом жилых построек были жилища типа полуземлянки (*татэана*). Эти постройки представляли собой круглую, диаметром в несколько метров, овальную или прямоугольную с закругленными углами яму глубиной 0,6—0,9 м, с небольшой насыпью по периметру². Четыре или более опор, соединенные поверху балками, образовывали несущий каркас, на который опирались стропила, покрытые сверху травой или корой деревьев. Шалашеобразное сооружение завершалось своеобразной конструкцией с открытыми фронтонами, служившими для выхода дыма от очага, располагавшегося в центре хижины. Вокруг жилища устраивался дренажный ров³. Несколько таких полуземлянок возводилось на склонах гор или в других местах, которые легко могли быть приспособлены для обороны. Прямоугольный остов каркаса полуземлянки в определенной степени предопределил превращение данного типа жилища в жилой дом с прямоугольным планом. Полуземлянка с прямоугольным планом занимает особое место, так как именно она легла в основу дальнейшего развития японского жилого дома.

Татэана с прямоугольным планом глубиной 0,5—1,0 м могла иметь и несколько другую конструкцию: две опоры по продольной оси с коньковой балкой, соединяющей их и поддерживающей наклонные слуги скатов⁴. Крайние слуги выходили за конек, образуя характерное завер-

¹ Ито Нобуо, Миягава Торао, Маэда Тайдзи, Ёсидзава Тю, История японского искусства (пер. с японского), М., -1965, стр. 12, 13.

² J. E. Kidder, Japan before buddhism, N. Y., 1966, p. 43—44.

³ W. Al ex, Japanese architecture, N. Y., 1963, p. 15, 16.

⁴ J. H a r a d a, The lesson of Japanese architecture, Boston, 1954, p. 14.

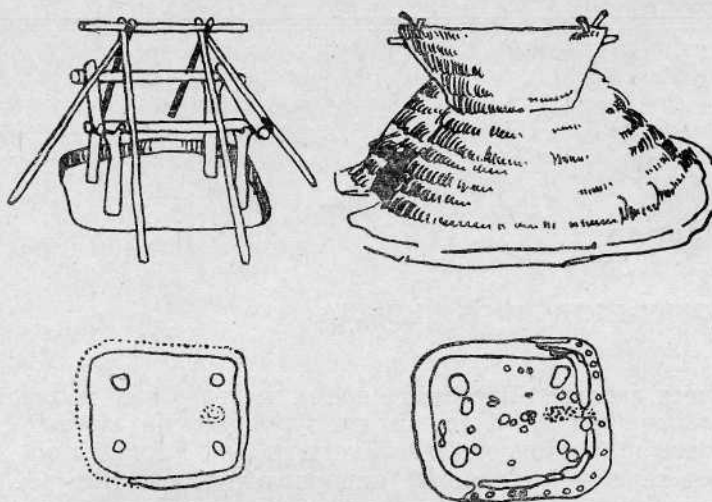

Рис. 1. Жилище типа татэана (II—I тысячелетия до н. э.)

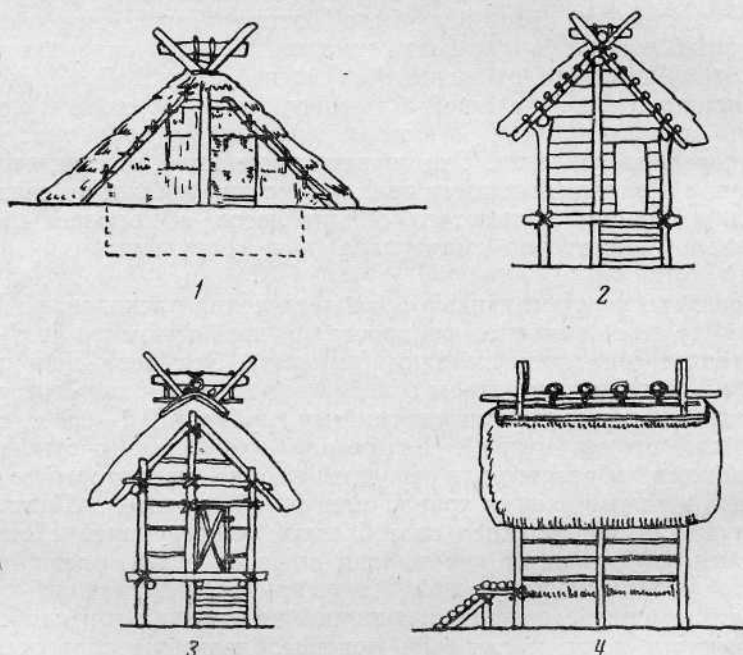

Рис. 2. Жилые постройки (I тысячелетие до н. э. — первые века нашей эры): 1 — тенги-конгэн; 2, 3, 4 — тип такаюки

шение, в котором можно предугадать декоративную деталь гаги, характерную для последующих периодов. Соломенная кровля по гребню конька прижималась дополнительной балкой с короткими поперечными брусками, получившими впоследствии название *кацуоги*. Этот тип построек назывался также *тенти-конген* и известен как один из самых ранних типов японского жилища. Развитие его привело в X в. до н. э. — III в. н. э. к появлению нового типа жилья с приподнятым над поверхностью земли полом, а затем к сооружениям на опорах (*такаюки*), которые служили в первую очередь как кладовые для зерна и, реже, как

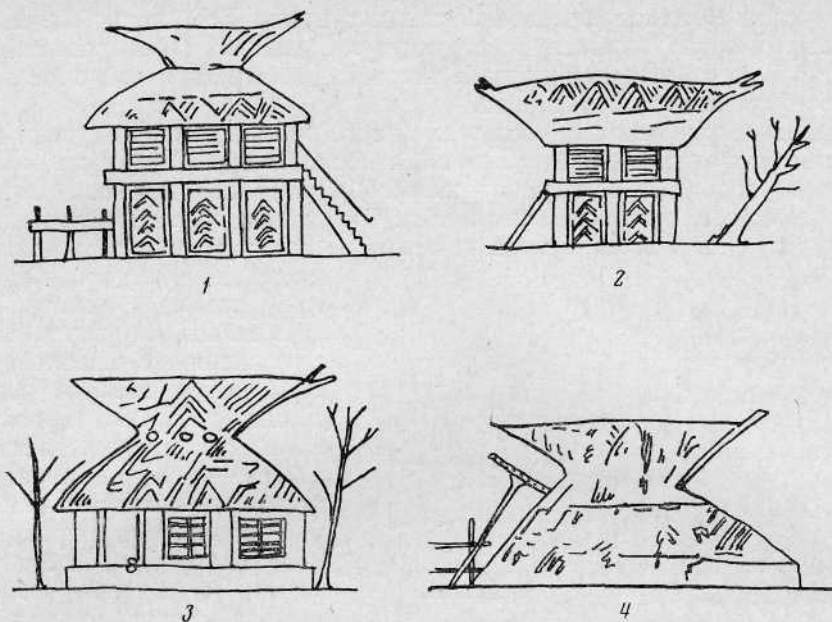

Рис. 3. Жилые дома разных типов. Рельефы на бронзовом колоколе (III—V вв.): 1—такаюки; 2 — такаюки; 3 — «дом на земле»; 4—татзана

жилища привилегированных классов, и в целом были распространены меньше, чем жилища типа полуземлянки. Сооружения на опорах имели четкий каркас из столбов по периметру, стены своеобразного соломенного плетения, конек поддерживался центральными опорами. Крыша также покрывалась соломой. Впоследствии в стенах вместо соломы стали применять доски, которые крепились между стойками каркаса.

Некоторые исследователи считают, что этот тип сооружений обязан своим появлением представителям малазийских народов, продвинувшихся на японские острова и принесших свою технику строительства⁵. Представляется, однако, вероятным, что тип сооружений на опорах мог возникнуть в Японии самостоятельно. Уже в глубокой древности здания типа *такаюки* использовали как хранилища церемониальных предметов культа синто, а впоследствии как храмы. К сожалению, отсутствие достаточно полных археологических данных в настоящее время не позволяет дать более точный ответ на этот вопрос. Хотя несомненно, что навыки, которые принесли с собой р., континента или с южных островов племена, переселившиеся в Японию, оказали определенное влияние на все типы сооружений, возводившиеся в I тысячелетии до н. э. Их строительные навыки дали толчок к развитию новых типов сооружений, одним из которых и явилось здание на опорах.

Второй период охватывает III—VI вв. В это время в связи с дальнейшим развитием общества, зарождением раннефеодальных отношений усложняются и формы жилых сооружений. По рисункам на керамике, рельефам на бронзовых зеркалах и колоколах, относящимся к III—V вв., можно выделить несколько основных типов построек, в их числе полуземлянку, дом на уровне земли и здания на опорах. В сооружениях последнего типа лестница, ведущая на верхний уровень, свидетельствует, что именно он является главным, а наличие ограждающих конструкций внизу дает возможность предположить, что нижнее пространство

⁵ W. Alex, Указ. раб., стр. 15; H. Kishida, Japanese architecture, Tokio, 1952, p. 82.

могло использоваться для хозяйственных нужд. Все постройки имеют явно выраженную каркасную структуру. Сходство своеобразной формы кровли у сооружений разных типов свидетельствует об определенной преемственности в развитии.

Об архитектуре жилых сооружений того времени можно судить и по глиняным моделям зданий «ханива», относящимся к IV—VI вв. «Ханива» — это связанные с погребальными обрядами керамические изображения колчанов, щитов, зданий и т. д. Они свидетельствуют, что в этот период уже существовали дома на земле со сравнительно сложной кар-

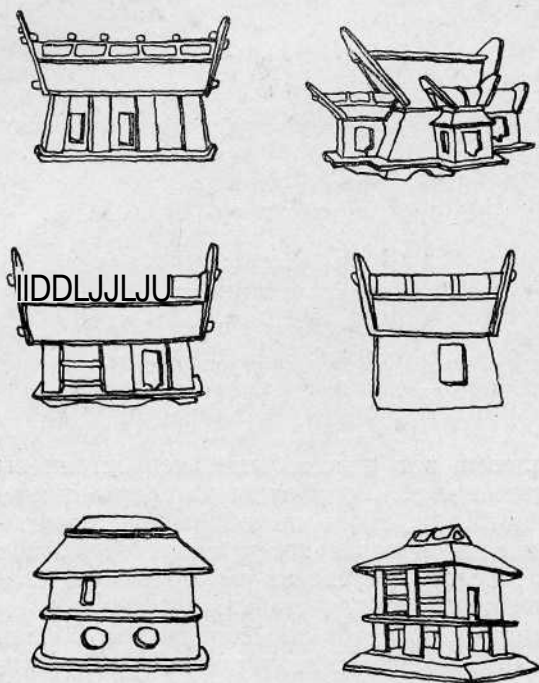

Рис. 4. Глиняные модели зданий — «ханива» (III—V вв.)

касной структурой, с развитой кровлей, имеющей с двух сторон фронтоны. Часть сооружений с кровлей, верх конька которой размещались *кацуоги*, вероятно, были главными зданиями, другие — с более простыми формами — вспомогательными. Сооружения с приподнятым полом, крышей без развитых фронтонов можно считать кладовыми и амбарами. Можно предположить, что древнейшие типы домов на земле имели утрамбованный земляной пол, а соломенные маты клались прямо на землю. Дома подобного типа становятся наиболее распространенными по всей стране, особенно в сельских районах. Близость к ним массового крестьянского жилища последующих периодов, в том числе и сохранившихся ДО наших дней жилищ прошлого века, свидетельствуют об этом.

Древнее жилище на опорах было в этот период привилегией знати. По своей планировке, по принципам организации внутреннего пространства, по связи с окружающей природой оно значительно отличалось от более позднего японского классического жилого дома. Есть основания предполагать, что в своем развитии жилой дом привилегированных классов прошел ряд этапов, что выразилось, в частности, в значительном уменьшении высоты опор.

Третий период, с VI по VIII в., был периодом укрепления японской государственности, периодом установления более тесных связей с материком и последовавших затем реформ. Жизнь японского общества в значительной степени изменилась. Появляются новые черты и в архитектуре жилищ. В VIII в. специальными указами устанавливалось, что дома чиновников и знати высших рангов должны были иметь определенный облик, в частности черепичную кровлю, крашенные колонны и стены. Регламентации в японской архитектуре имели место и раньше. Еще в V в. во времена императора Юряку (466—479 гг.) простому народу запрещалось иметь на крыше декоративные детали *тиги* и *кацуоги*⁶.

⁶ J. Naga da, Указ. раб., стр. 15.

Введение особых регламентации в VIII в. свидетельствовало о попытках насильственного внедрения в архитектуру жилища некоторых черт, характерных для китайской архитектуры. Но новые веяния распространялись главным образом в столицах, в то время как на периферии продолжали преобладать местные традиции. Более того, новые влияния с трудом находили сторонников даже среди феодальной и чиновничьей знати, тяготевшей к традициям национального быта. Только с укреплением феодальных отношений влияние культуры Китая отчетливо проступило во всех сферах общественной жизни. Относительно изменился быт аристократии, и новые черты начинают укрепляться в архитектуре жилищ привилегированного класса. Это был длительный процесс, отличавшийся от прямого восприятия форм и типов в архитектуре культовых сооружений, процесс постепенного осмысления опыта Китая и его приспособления к местным традициям.

В настоящее время трудно сказать, как выглядели жилые комплексы в VI—VII вв., хотя известно описание городской усадьбы одного придворного. Усадьба состояла из главного здания, имевшего крышу из коры кипариса и деревянный пол, четырех вспомогательных сооружений с кровлей из досок; кухни, крытой соломой, и трех деревянных кладовых⁷. Жилой ансамбль был создан из зданий, близких к древним типам, т. е. к зданиям с приподнятым полом и стоящим на земле. Более развитый тип жилища представляет дом, принадлежавший придворному министру Фудзивара Тоёнари, известный как «Итадоно». Он был построен в 743 г. в г. Сигараки и имел пять пролетов по фасаду и три пролета в глубину. Две террасы (*хисаси*) по обеим продольным сторонам занимали три центральных пролета. Их кровли подходили под карниз двускатной крыши основного сооружения. Деревянный пол, поднятый на высоту менее 1 м и выходящий за периметр внешних стен в виде обходной галереи, имел общий уровень как для главного здания, так и для террас. Все конструкции сооружения, включая дощатую кровлю, были выполнены из дерева⁸. «Итадоно» свидетельствует о большом прогрессе в архитектуре жилищ, о четком функциональном разделении элементов каркаса на несущие и ограждающие конструкции. Вероятно, ограждающие конструкции внешних стен еще не были мобильны, но три центральных пролета с каждого фасада уже имели двери, что также является несомненным шагом вперед.

Несколько иначе были решены вопросы организации внутреннего пространства в доме, принадлежавшем первоначально матери императрицы Комю, а затем переданном монастырю Тонн (Юмэдоно) храма Хорюдзю⁹. Оно также было построено в VIII в. и известно как «Демподо». До перестройки сооружение имело пять пролетов по фасаду и четыре более узких пролета с торца. Причем средний ряд колонн, за исключением крайних, отсутствует, что делает здание трехпролетным с широким центральным пространством. Пол сооружения приподнят над землей, как и в «Итадоно». Мощная двускатная кровля с коньковым гребнем, имеющим слегка приподнятые концы, завершает все здание. Двери и перегородки занимают только три ближних ко входу пролета, оставляя два других свободными, выступающими в виде крытой террасы. Сетка колонн с переменным шагом, изогнутые балки, связывающие колонны поверху, промежуточные опоры на них в известной мере близки к приемам, характерным для буддийских храмов, и связаны с влиянием Китая. Но применение их в жилом сооружении в соединении с приподнятым на небольшую высоту полом, смелое асимметрич-

⁷ Minoru Ooka, Osami Mogi, Pageant of Japanese art, «Architecture and Gardens», vol. 6, Tokyo, 1952, p. 25—28.

⁸ Там же, стр. 27; реконструкция выполнена М. Секино.

⁹ Там же, стр. 27. Реконструкция выполнена К-Асано.

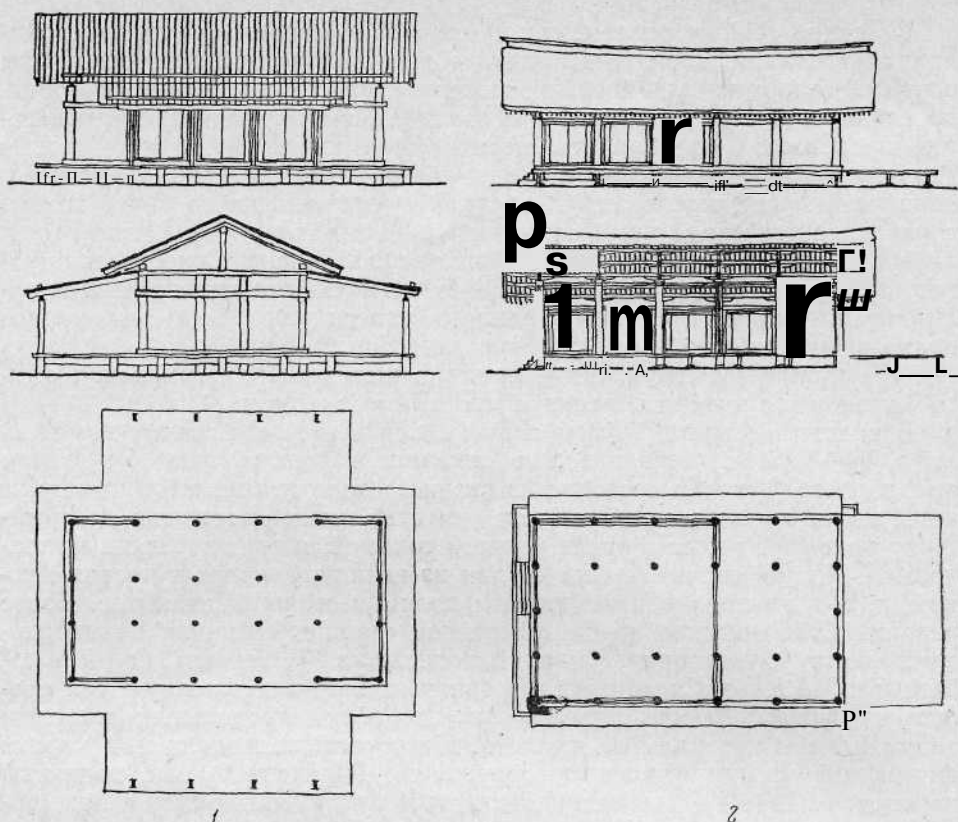

Рис. 5. 1 — Итадоно. Жилой дом, принадлежавший Фудзивара Тоёнари, 743 г. (фасад, разрез, план); 2 — Демподо. Жилой дом, принадлежавший Татибана, 741 г. (фасад, разрез, план).

ное решение плана свидетельствуют о самостоятельных творческих поисках на путях совершенствования типов и форм жилых зданий.

Следующий этап в развитии японского жилища охватывает IX—XII вв. В этот период отдельные черты постепенно складываются в единую стройную систему. Этот процесс завершается в IX—X вв. и находит наиболее полное выражение в типе жилища, получившем название *синдэн-дзукури*. С IX в. крытые террасы *хисаси* находят все большее применение. Они устраивались с трех или четырех сторон главного здания, увеличивая его размеры и усложняя план. В конечном счете *хисаси* превратились в сплошную крытую террасу, идущую по всему периметру здания. Между внешними колоннами *хисаси* устраивались перегородки *ситомидо*, нижняя часть которых была съемной, а верхняя поднималась вверх и закреплялась специальным приспособлением в горизонтальном положении.

Синдэн-дзукури представлял собой систему принципов, которая выражалась в особенностях планировки как отдельного здания, так и всей усадьбы. Она была связана не только с особенностями архитектурных форм, присущих именно этому типу зданий, но и со всей организацией быта, значительно выходя за рамки понятия чисто архитектурного стиля. *Синдэн-дзукури* сформировался как тип аристократического жилища и был привилегией высших классов. Усадьба имела прямоугольный участок значительных размеров. Например, в г. Хэйан усадьба часто занимала целый небольшой городской квартал с размерами 120X120 ж¹⁰. В центре усадьбы размещался *синдэн*, главное здание жилого

¹⁰ Ито Нобуо, Миягава Торао, Маэда Тайдзи, Ёсидзава Тю, Указ. раб., стр. 28.

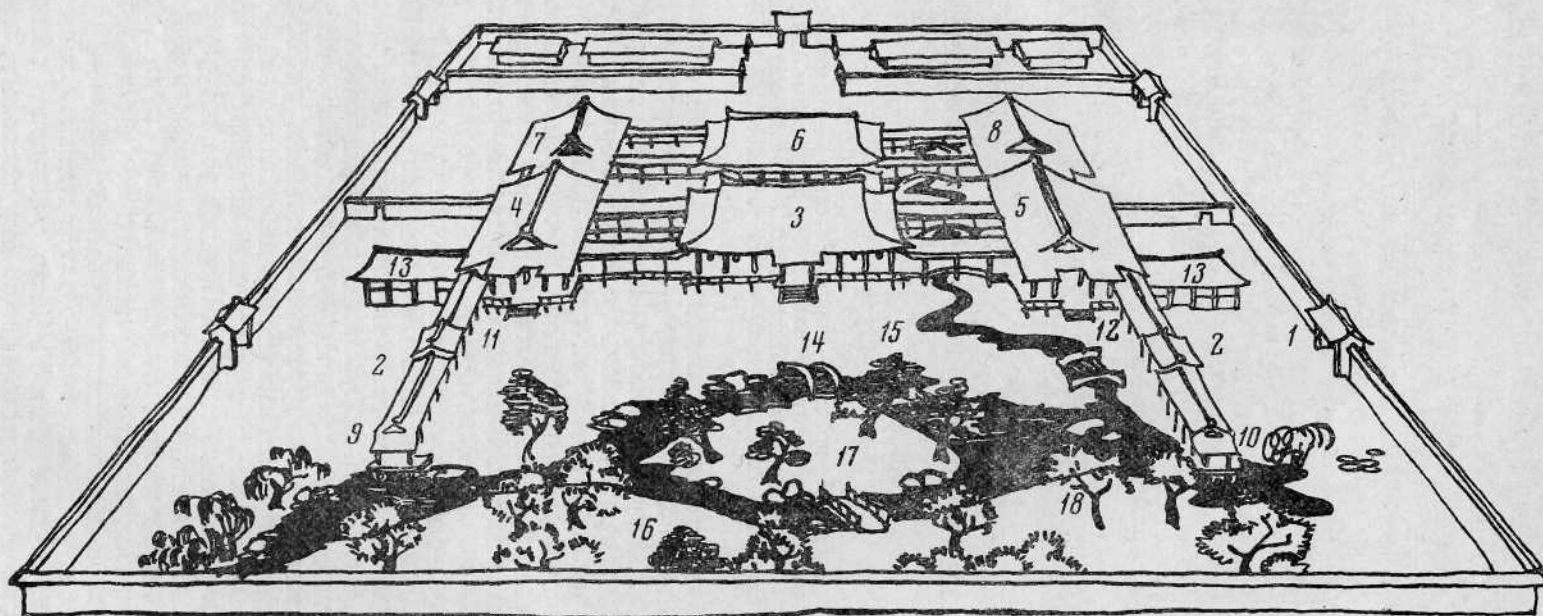

Рис. 6. Усадьба типа синдэн-дзукури X—XII в. (реконструкция Т. Есида): 1 — главные ворота; 2 — внутренние ворота; 3 — синдэн; 4—8 — западные, восточные и северные павильоны тайноя, 9—12 — галерея ватодоно и беседки цуридано; 13 — приемная вассалов; 14 — сад; 15 — ручей яrimiцу; 16—18 — озеро, остров, холм

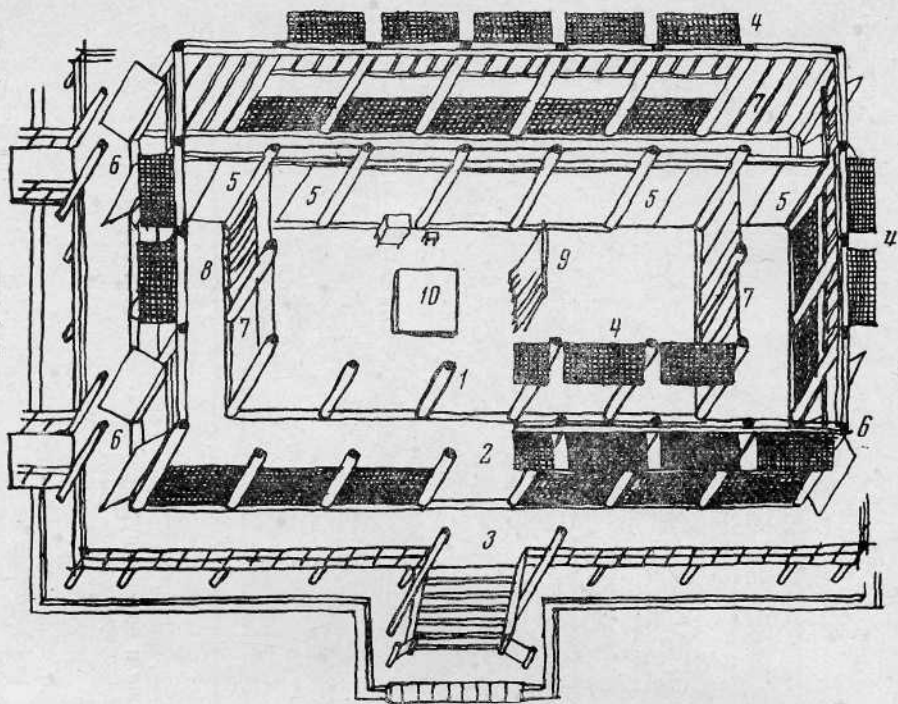

Рис. 7. Здание типа синдэн: 1—мойя; 2—коридор хисаси; 3—терраса суноко; 4—подъемные и съемные перегородки ситомидо; 5—раздвижные двери; 6—двухстворчатые двери; 7—бамбуковый занавес сударэ; 8—занавес; 9—переносная ширма кито; 10—маты татами

го комплекса, служившее жилищем главы дома. Оно имело прямоугольный план в 5 на 3 или более пролетов, в центре которого находилось пространство без промежуточных опор (*мойя*). Это пространство по мере необходимости разграничивалось экранами и ширмами. С трех или четырех сторон главного объема шла галерея или коридор (*хисаси*) и далее огороженная перилами веранда (*суноко-эн*), защищенная от солнца л дождя выносом карниза. Между опорами каркаса по периметру здания устанавливались специальные решетчатые оклеенные бумагой панели (*ситомидо*). Деревянный пол был приподнят над уровнем земли. Небольшая лестница с навесом, служившим продолжением кровли, располагалась с юга и служила парадным входом. К западу и востоку от синдэн располагались вспомогательные постройки (*тайноя*), соединенные с главным сооружением крытыми галереями (*ватодоно*). Для главного здания и для всей усадьбы, как правило, характерна южная ориентация. К северу от главного здания разбивался сад с водоемом, на берегу которого возводились небольшие павильоны (*цуридано*), также соединявшиеся с основным комплексом галереями. Территория усадьбы обносилась стенами. Входы в усадьбу устраивались с востока или запада. За входом располагались помещения для стражи, приемные комнаты, вспомогательные службы и т. д. Количество сооружений в комплексе, их размеры зависели от достатка и ранга владельца и колебались в значительных пределах.

В наиболее ранних усадьбах *синдэн-дзукури* принцип симметричной планировки занимал важное место¹¹. Четко выделялась главная ось, на которой возводили *синдэн*, симметрично ему располагались другие павильоны, галереи, ворота в стенах. Этот же принцип прослеживался и в планировке собственно жилой части усадьбы, и в организации под-

¹¹ Т. Y o s h i d a, Japanese architecture, Tübingen, 1952, p. 133.

собных и хозяйственных помещений и дворов, занимавших северную часть усадьбы. Известный элемент регулярности в планировку южной части усадьбы с парком вносили симметричные, равные по длине галереи *ватодоно*.

В более поздней усадьбе Госандзо-дэн (IX—XII вв.), принадлежавшей одному из членов клана Фудзивара, более четко проявилось стремление к асимметричной планировке усадьбы. Хотя *синдэн* и занимает центральное место в общей композиции, но вся она в целом получила более свободный характер и развивалась уступами от восточного входа к расположенным севернее западным воротам. Вместо двух галерей *ватодоно* сохранена лишь одна западная, а вместо восточной галереи расположился целый комплекс построек, связанный с восточными воротами.

Таким образом, строители, сохраняя общие принципы при сооружении отдельных зданий и комплекса в целом, подходили в каждом конкретном случае к своей задаче творчески, создавая развитые жилые ансамбли с разнообразной планировкой. Они свободно обращались с принципами симметричной композиции, предпочитая как более естественную асимметричную планировку, стремились к органичному компактному плану. Огромную роль в формировании *синдэн-дзукури* играли сады и парки. Первые сады появились в Японии в VI в., и вполне вероятно, что искусство создания садов и парков пришло вместе с другими формами культуры из Китая. Уже тогда в усадьбах знати стали устраивать сады с водоемами и островами, но лишь к X—XII вв. развивается первый тип классического японского сада — «*сима*». Озеро с островом являлось композиционным центром всего парка. Эта часть парка символизировала буддийский «Западный рай», владыкой которого был будда Амида и который, согласно легендам, располагался на острове среди «безбрежного моря». Форма самого острова обычно напоминала черепаху или журавля, служившими как в китайской, так и в японской мифологии символами долголетия. Дальше к югу за озером располагался небольшой холм (*цуки-яма*). Арочный мостик соединял северный берег с островом, а небольшой мостик над самой водой вел с острова на южный берег. По озеру плавали разукрашенные лодки, наподобие китайских. Аристократы, развлекаясь, слушали музыку, занимались поэтическими упражнениями¹². Жилая усадьба являла свой особый мир, отличающийся чертой которого было специфическое отношение к природе — пассивное любовование ею. Здесь нет спора с природой, как нет и следов желания переделать, подчинить ее.

Были и другие типы садов, отличные от классического *сима*, т. е. парка с островом¹³. В этих случаях в зависимости от желания владельца основным содержанием парка становились цветы или деревья. Главное заключалось в воспроизведении красоты природы. В этом отношении искусство создания парков было очень близко древней японской живописи, так как творческий процесс и цели были схожи. И мерой совершенства парка часто служила его близость к картинам прославленных мастеров, в чем видно продолжение некоторых китайских традиций.

Сады *синдэн-дзукури* вполне соответствовали атмосфере утонченно-го эстетизма, изысканной тонкости хэйанской аристократии, отгородившейся от реальной жизни созданными ими же иллюзиями. Но именно в этот период в японских парках проявились такие качества, как тонкое понимание природы, глубокое восприятие естественной красоты и богатства мира в его бесконечной переменчивости, которые получили развитие и более позднее время.

Рассматривая архитектуру жилища Японии, можно прийти к выво-

¹² T. Yoshida, *Gardens of Japan*, N. Y., 1957.

¹³ M. Tatsu, *Gardens of Japan*, Tokyo, 1935, p. 3—5.

ду, что VI—XII вв. были периодом укрепления новых принципов организации жилищ, которые хотя и были связаны с более древними традициями, в то же время значительно от них отличались. Это объясняется социально-экономическими изменениями, развитием феодальных отношений и определенным влиянием китайской архитектуры.

Некоторое сходство китайского и японского жилища заключается в усадебном характере застройки, особенно городской. Но если в Китае основные планировочные принципы на протяжении веков почти не изменялись и в основе их по-прежнему лежали дворы типа *саньхэюань* и *сихэюань*, т. е. дворы, обстроенные по периметру с трех или четырех сторон, то в Японии развитие жилой усадьбы происходило несколько иначе. Только с начала IX—X вв. в усадьбах *синдэн-дзукури* можно проследить такие принципы, пришедшие с континента, как симметричность, отдельные здания, перекрытые отдельной кровлей и соединенные с другими галереями. Уже в X в. планировка приобретает черты асимметричности, и в дальнейшем асимметричное построение всей планировки усадьбы и отдельного здания становится одним из главных принципов в архитектуре жилища. Отдельные здания начинают сближаться, образуя единые сооружения со сложным планом, перекрытые не менее сложными кровлями.

Китайское влияние на японское жилище выразилось и в создании при усадьбах садов и парков. Но в Китае парк хотя и был тесно связан с жилой частью, тем не менее представлял собой, как правило, самостоятельную часть жилого комплекса со своими внутренними планировочными и композиционными закономерностями. В Японии же сад входил в усадьбу как неотъемлемая часть, естественно связанная с жилой частью. Собственно в *синдэн-дзукури* парк не обособлялся вообще. *Синдэн*, *тайноя*, галереи и павильоны свободно входили в парк, образуя единое целое. Композиция парка создавалась и с учетом обозрения его из жилых помещений. В этом качественное отличие от Китая, где парки обозревались главным образом во время прогулок и из отдельных беседок и павильонов самого парка. В Японии был сделан шаг от собственного Китая соотношения «жилая часть — парк», или «парк при жилище», к «жилищу в парке».

Определенное влияние на японскую архитектуру, в частности жилую, оказала китайская система *фэншуй*, окрашенная разного рода мистическими воззрениями и суевериями, исходившая из положения, что природа может влиять и влияет на обитателей данной местности и на архитектурные сооружения. Согласно ей, правильный учет требований *фэншуй* при выборе места, ориентации и т. д. обеспечивал защиту от злых духов, покой и счастье обитателей, сохранность зданий. Нарушение правил делало людей и сооружение беззащитными против несчастий, болезней, пожаров и т. д. Надо сказать, что учет климатических и других природных условий, многовековой опыт строителей, отраженный в этих правилах, играл положительную роль. В Японии в результате соединения с местными суевериями возникает система правил *суйдо* и *хогаку*, т. е. факторов, определяющих правильное соотношение «воды и земли» и «верного направления» при выборе места и ориентации при строительстве¹⁴.

Вместе с тем главным для японской архитектуры жилищ было самостоятельное развитие древних, традиционных принципов. Китайская архитектура послужила главным образом не примером для заимствования или подражания, а скорее стимулом для быстрого развития. Принесенное декретами, но чуждое по существу, не смогло укрепиться и со временем отпало. Так, произошло, например, с попытками ввести цвет (красные колонны, балки) в архитектуру жилых зданий.

¹⁴ Н. Т. Федоренко, Японские записки, М., 1966, стр. 52.

В японской архитектуре возникают новые черты, не имеющие аналогий в архитектуре Китая: дощатый пол, лишь незначительно приподнятый над землей, раздвижные перегородки, открытые веранды, обходные галереи, преобладание асимметричности в планировке усадьбы, композиции жилого комплекса, размещение сада на юге, а не на севере, как в Китае, отказ от четкого выделения центральной оси, размещение входа с востока или запада, а не с юга, и т. д.

Развитие сельского жилого дома в этот период шло самостоятельными путями. Сельский жилой дом, тесно связанный с древними национальными традициями «дома на земле», был, как правило, более утилитарен¹⁵. Развивался он на основе реальных связей с природой. Он защищал от дождя и солнца летом и от снега и холода зимой. Рациональность и функциональность сельского жилого дома в дальнейшем повлияли на развитие и жилищ привилегированных классов. С конца XII в. начинается новый этап в развитии японского жилища. Приход к власти класса самураев во главе с сегунами повлиял на архитектурные формы жилых сооружений. Новые черты, связанные со стремлением к большой простоте, даже некоторой суровости и аскетичности, с уменьшением объемов, определяются иногда как направление или тип *букэ-дзукури*. Главным достижением его явилось распространение раздвижных перегородок типа *фусума*, применяемых в интерьерах, и *сёдзи*, образующих внешний ряд.

В XV—XVI вв. развивается новое направление, известное как *сёин-дзукури*, вобравшее в себя лучшие достижения предшествующих периодов и приведшее к созданию японского классического жилого дома и усадьбы феодальной эпохи, которые в дальнейшем не подвергались уже существенным изменениям¹⁶.

Значительную роль в развитии японского жилого дома сыграли чайные церемонии, пришедшие из Китая еще в VIII в. сначала как религиозный обряд, а затем получившие распространение как светская церемония. В жилище стало выделяться для чайного ритуала специальное помещение, интерьер которого определялся правилами этих церемоний. Наиболее полное выражение они нашли в *сёин-дзукури* с его чайными павильонами и домиками.

Принципы планировки усадьбы и отдельного сооружения, организации внутреннего пространства, применения материалов, связи природы и архитектуры, интерьера и окружения в *сёин-дзукури* были одинаковы для больших загородных дворцовых комплексов и маленьких чайных домиков, для усадеб высших и средних слоев, т. е. для феодалов, самураев, чиновников, священников и т. д. В них соединялись аристократическая изысканность *сундэн-дзукури*, суровость и рационализм жилищ самураев и простота сельского дома. Для *сёин-дзукури* характерен прямоугольный план, или план, состоящий из ряда прямоугольных фигур, образующих порой сложный рисунок, объединенный под общей крышей. Уровень пола поднят на 60—70 см над землей. Терраса огибает здание по всему периметру или отдельной его части, имея при этом различную ширину. Деревянные стойки каркаса идут с определенным ритмом по прямоугольной сетке, причем если по периметру здания величина пролета не изменяется, то внутри ряд опор убирается таким образом, чтобы в середине помещений не было отдельно стоящих опор. Колонны не заглубляются в землю, они возвышаются на каменных базах, что предохраняет их от сырости и обеспечивает достаточную сейсмостойкость.

Внутреннее пространство в *сёин-дзукури* трактовалось не как какой-то навсегда заданный объем, а как совокупность пространств, имею-

¹⁵ Ито Тайдзи, Минка (Жилища крестьян), Токио, 1969.

¹⁶ Китао Харумити, Сёин кэнтику сёсай дзифу (Архитектура различных зданий типа сёин), Токио, 1956.

ших возможность изменяться. Система перегородок — стенок, *сёдзи* и *фусума*, ширм в виде тонких деревянных рам, оклеенных бумагой, которые могли раздвигаться или убираться совсем, давали простой и надежный способ управлять планом и пространством дома, уменьшая или увеличивая его. Сделав подвижными элементы наружных стен, японцы получили возможность связать внутреннее пространство с окружающей природой. Здесь прослеживается не только эстетическое начало, связанное с изменяемостью внутренней структуры, с подчинением ее человеку, с многообразием связей интерьера и окружающей природы, но и функциональная необходимость, так как раскрытие части или всего здания позволяет более точно регулировать естественное охлаждение жилого дома.

В этот период укрепляется стремление к естественности, которая проявлялась не только в попытках включить природу в жизнь дома через объединение пространств, но и посредством использования природного состояния материалов, главным образом дерева, поверхность которого, тщательно обработанная, сохраняет свою структуру и не окрашивается; применением для кровли тростника, коры хиноки, а для матов и циновок рисовой соломы.

Отдельные элементы интерьера, пол, стены, потолок и т. д. выступают не только в конструктивном и функциональном качестве, но и в законченном декоративном, не требующем дальнейшей обработки и украшений в виде мебели, картин, ковров и т. п. Материалы — дерево, бумага, рисовая солома — непосредственно участвуют в создании интерьера, соединяя в себе функциональное и эстетическое начало.

Татами, или маты из рисовой соломы, появились еще в древности, но в VI—XIII вв. они использовались в качестве отдельных циновок или дорожек, закрывая лишь часть пола. Позже они, получив стандартный размер около 0,6X1,8 м, стали покрывать весь пол помещений и превратились в единицу измерения, определяющую не только величину площади комнат, но и остальные размеры, в частности высоту раздвижных перегородок. Большое значение имеет для японского интерьера особый способ освещения, точное определение соотношения света и тени, которое гармонирует с общим стилем и композицией. Матовая рисовая бумага, пропускающая рассеянный свет, делает излишним резную игру ярких красок, направляет наше внимание не к отдельным элементам интерьера, а к их совокупности.

Таким образом, в японской архитектуре уже в IX—XII вв. сформировалась законченная система принципов организации жилища *син-дэн-дзукури*, которая послужила основой дальнейшего развития японского жилища. Вершиной этого развития стала другая система, известная как *сёин-дзукури*, расцвет которой приходится на XVI—XVIII вв. В ней отразились лучшие черты японского традиционного зодчества и древней культуры, достоинства и ценность которых позволили японскому классическому жилому дому стать одним из наиболее значительных достижений мировой архитектуры.

FROM THE HISTORY OF THE JAPANESE DWELLING

The article describes the evolution of the Japanese dwelling up to the beginning of the II millennium A. D. The author distinguishes four stages within the period under study: I millennium B. C.—first centuries A. D.; III—V centuries, VI—VIII centuries; IX—XII centuries; these stages are linked to the characteristic features of historic development and the social-economic system of society in each period.

The evolution of the Japanese dwelling-house is traced from primitive dwellings half-sunk into the ground towards a house standing at ground level and a house raised upon supports. The origins of the farmstead plan, the rise and development of the *Sinden-Dzukur*i style are described. An attempt is made in the article to determine the role and importance of Chinese architecture in the development of the Japanese dwelling.